

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-284-289

УСАНОВ Владимир Евгеньевич,

академик Российской академии образования, доктор юридических наук, профессор,
профессор Университета «Синергия», e-mail: vusanov@mail.ru

МОТОРИНА Ирина Станиславовна,

доцент Университета «Синергия», e-mail: motorinavuz@mail.ru

ДОГОВОРНАЯ НОРМА КАК ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРАВИЛО ПОВЕДЕНИЯ В СФЕРЕ ЧАСТНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье рассматривается договорная норма как индивидуальное частноправовое правило поведения, возникающее из признанной и согласованной воли сторон. Обосновывается различие между условием договора и договорной нормой: условие выступает формой выражения воли, тогда как договорная норма определяет модель должного поведения внутри обязательственного отношения. Показано, что договорная норма формируется из текста договора, системы условий, цели обязательства, диспозитивных норм, обычаев, требований добросовестности и поведения сторон. Делается вывод, что толкование договора должно быть направлено не только на объяснение словесной формулировки, но и на установление индивидуального правила поведения сторон.

Ключевые слова: договор, договорная норма, условие договора, обязательство, частное право, автономия воли, толкование договора, добросовестность.

USANOV Vladimir Evgenievich,

Academician of the Russian Academy of Education,
Doctor of Law, Professor, Professor at Synergy University

MOTORINA Irina Stanislavovna,

Associate Professor at Synergy University

CONTRACTUAL NORM AS AN INDIVIDUAL RULE OF CONDUCT IN PRIVATE LAW

Annotation. The article examines the contractual norm as an individual private-law rule of conduct arising from the recognized and agreed will of the parties. It substantiates the distinction between a contractual term and a contractual norm: a contractual term serves as a form of expressing will, whereas a contractual norm determines the model of due conduct within an obligation. The article shows that a contractual norm is formed through the text of the contract, the system of its terms, the purpose of the obligation, dispositive rules, customs, good faith requirements, and the conduct of the parties. It concludes that contract interpretation should aim not only at explaining the wording of the contract, but also at establishing the individual rule of conduct created by the parties.

Key words: contract, contractual norm, contractual term, obligation, private law, autonomy of will, contract interpretation, good faith.

Существует необходимость точнее раскрыть внутренний регулятивный механизм договора в частном праве. Договор традиционно рассматривается как соглашение, юридический факт, основание

обязательства и форма автономии воли, однако такой подход не всегда показывает, в каком виде созданная сторонами обязательность действует внутри конкретного отношения. В судебной и договорной практике содержание

договора устанавливается через текст, систему условий, цель договора, существо обязательства, диспозитивные нормы, добросовестность и поведение сторон. Это позволяет рассматривать реальным предметом анализа не отдельную формулировку, а индивидуальное правило поведения, возникающее из всей договорной конструкции.

Цель данной статьи состоит в обосновании договорной нормы как индивидуального частноправового правила поведения, возникающего из признанной и согласованной воли сторон, выражаемого в условиях договора и действующего в структуре обязательственного отношения. Для достижения этой цели необходимо разграничить условие договора и договорную норму, определить ее структуру, выявить источники ее формирования, установить место договорной нормы между общей нормой закона и конкретным актом исполнения, показать ее значение для раскрытия содержания обязательства и обосновать, что толкование договора направлено не только на объяснение текста, но и на установление индивидуального правила поведения сторон.

От договора как формы признанной воли к договорной норме. В ранее проведенном исследовании было показано, что договор реализует гегелевскую логику перехода от собственности как внешней определенности воли к отношению взаимного признания сторон; поэтому следующий шаг состоит в установлении того, в каком виде эта признанная нормативность действует внутри обязательственного отношения и превращается в индивидуальное правило поведения сторон [1]. У Гегеля договор появляется там, где собственность перестает быть простым отношением единичной воли к подвластной субъекту вещи и включает в себя момент другой воли; именно поэтому собственность осуществляется посредством договора как процесса опосредования двух волей [2]. В позитивном праве это получает юридическую форму через определение договора как соглашения об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей, через понятие обязательства как связи, в которой одно лицо должно совершить определенное действие или воздержаться от него, и через правило о том, что договор становится обязательным для сторон с момента его заключения [3]. Отсюда следует, что нормативная сила договора не исчерпывается фактом заключения и не растворяется в тексте документа: она должна быть понята и обоснована как особое индивидуальное правило должного поведения. та категория может быть названа договорной нормой.

Под ней следует понимать индивидуальное частноправовое правило поведения, возникающее из признанной и согласованной воли сторон, выражаемое в договорных условиях, включаемое в содержание обязательства, дополняемое диспозитивными нормами и обычаями, ограничиваемое императивными предписаниями и устанавливаемое в спорной ситуации через толкование. Такая формулировка позволяет связать философско-правовой тезис о договоре как форме признанной воли с цивилистическим анализом обязательства. Она фиксирует различие между формой, в которой воля получает признание, и тем правилом, посредством которого это признание превращается в конкретную меру должного поведения для определенных лиц.

Условие договора и договорная норма: необходимое разграничение. Для выработки этой категории прежде всего требуется развести условие договора и договорную норму. Это различие уже намечено в отечественной цивилистике. О.С. Иоффе прямо связывал смешение условий договора с правами и обязанностями сторон со смешением договора как юридического факта и обязательства как его правового результата [4]. М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, развивая ту же линию, отмечали, что договорные условия фиксируют взаимные права и обязанности, но не совпадают с ними: условия принадлежат содержанию соглашения, тогда как права и обязанности образуют содержание договорного правоотношения [5, с. 295]. Отсюда следует методологически решающий вывод: условие есть форма выражения согласованной воли, договорная норма — правило поведения, которое из этой формы выводится.

Это различие имеет и практический смысл. Цена, срок, место исполнения, способ уведомления, порядок приемки, условие о неустойке или о праве на односторонний отказ существуют в тексте как отдельные формулировки, но в обязательстве они работают как элементы правила поведения. Одно условие способно содержать несколько правил: например, формула об оплате товара двумя платежами по счету и в определенный срок одновременно определяет размер исполнения, его временную структуру и способ совершения платежа. Обратно, одна договорная норма часто складывается из нескольких условий: обязанность поставить товар надлежащего качества к определенной дате на согласованный склад, с предварительным уведомлением покупателя и приложением документов, существует как единое правило, хотя текстуально распадается на ряд пунктов. Именно поэтому статья 431 ГК РФ и разъяснения Верховного Суда [6, п. 43] требуют сопоставлять

условие с другими условиями и смыслом договора в целом: предметом такого сопоставления служит не отдельное слово, а возникающее из системы договора правило поведения.

В этой перспективе цена или срок сами по себе далеко не всегда образуют самостоятельную договорную норму. Цена часто выступает параметром другой нормы — прежде всего нормы об оплате. Срок может быть центральным элементом нормы о передаче вещи, выполнении работы, направлении уведомления или реализации права на отказ. Условие о неустойке обычно формирует вторичную, охранительную норму, начинающую действовать при нарушении основной модели поведения. Следовательно, перевод текста договора в язык договорных норм требует аналитической операции: необходимо установить, в каком месте текст действительно задает модель должного поведения, а в каком лишь предоставляет материал для ее построения.

Структура договорной нормы выглядит как классическая трёхэлементная конструкция и обнаруживается в структуре самого обязательства. Поскольку в силу статьи 307 ГК РФ обязательство связывает должника обязанностью совершить определенное действие или воздержаться от него, а кредитора — правом требовать соответствующего поведения, договорная норма всегда имеет как минимум три ядра: адресата, модель поведения и корреспондирующее ей правомочие другой стороны. К ним присоединяются конкретизирующие элементы: предмет исполнения, способ, место, срок, очередность действий, порядок взаимодействия сторон и условия, при наступлении которых правило начинает действовать или изменяет свой режим. В развитых договорах к этой структуре добавляются нормы о содействии, предоставлении информации, проверке исполнения, приемке результата, координации встречных действий. Тем самым договорная норма охватывает не только единичное действие, но и организует практику поведения сторон во времени. Модель нормы — гипотеза, диспозиция, санкция — в договорном праве сохраняет объяснительную силу, но действует в распределенном виде. Гипотеза часто формулируется самим договором: после получения счета, по наступлении календарной даты, после подписания акта, при достижении определенного объема поставки, при просрочке свыше согласованного периода. Диспозиция закрепляет должное поведение: оплатить, поставить, уведомить, принять, воздержаться от конкурирующих действий, предоставить доступ, вернуть документы. Санкция может быть частично закреплена в договоре, частично — в законе: неустойка, право на удержание, отказ от договора,

возмещение убытков, начисление процентов, приостановление встречного исполнения. Это распределение показывает, почему договорная норма не совпадает с отдельным пунктом текста: ее элементы нередко находятся в разных условиях договора и в разных нормах закона.

Важно и то, что договорная норма не исчерпывается обязанностью в узком смысле. Частное право знает нормы, которые предоставляют стороне правомочие: потребовать досрочное исполнение, отказаться от договора при соблюдении согласованной процедуры, изменить способ взаимодействия, удержать платеж до устранения недостатков, назначить дополнительный срок исполнения. Статья 310 ГК РФ прямо допускает в предусмотренных законом или договором случаях одностороннее изменение условий обязательства и отказ от исполнения, особенно в предпринимательских отношениях. Следовательно, договорная норма может быть как обязывающей, так и управомочивающей; ее нормативная функция состоит в том, что она заранее определяет допустимую форму поведения одной стороны и юридическое положение другой.

Источники формирования договорной нормы. Договорная норма формируется из нескольких слоев социально-правового материала, и буквальный текст — лишь первый из них. Статья 421 ГК РФ закрепляет, что условия договора определяются по усмотрению сторон, а при наличии диспозитивной нормы стороны могут исключить ее применение или согласовать иное решение; если же специального соглашения нет, условие определяется диспозитивной нормой. Эта конструкция прямо показывает, что правило поведения внутри договора вырастает не только из формулировки соглашения, но и из дополняющего ее диспозитивного массива. М. И. Брагинский и В. В. Витрянский в том же ключе различали условия, вытекающие из диспозитивных норм и обычаев, которые могут вовсе не получить текстуального выражения в договоре и все же применяться к порождаемым им отношениям [5, с. 296–299]. Поэтому договорная норма есть результат нормативного синтеза: согласованная воля задает ядро, а диспозитивное право и обычай достраивают ее до пригодного к применению правила.

Наряду с источниками формирования существуют пределы допустимости. Статья 422 ГК РФ требует соответствия договора императивным нормам; статья 10 блокирует злоупотребление правом; пункт 3 статьи 307 предписывает сторонам действовать добросовестно, учитывать права и законные интересы друг друга, оказывать необходимое содействие для достижения цели обязательства и предоставлять необходимую

информацию. Пленум Верховного Суда развивает эту логику и требует толковать условия договора в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, с иными нормами ГК РФ, с целью договора и существом регулирования соответствующего вида обязательства [6, п. 43]. Следовательно, право не подменяет договорную норму, но очерчивает пространство, в котором она может возникнуть и действовать. Это особенно важно для случаев, когда текст допускает несколько вариантов понимания: допустимой считается та индивидуальная норма, которая сохраняет связь с добросовестностью, целями обязательства и императивными пределами правопорядка.

Статья 160 ГК РФ приравнивает к письменной форме использование электронных и иных технических средств, позволяющих воспроизвести содержание сделки и достоверно определить лицо, выразившее волю; статья 434 допускает заключение договора в письменной форме путем составления одного электронного документа или обмена электронными документами и иными данными; статья 309 предусматривает возможность автоматизированного исполнения обязательств с помощью информационных технологий без отдельно выраженного дополнительного волеизъявления при наступлении согласованных обстоятельств. Из этого следует, что договорная норма способна существовать и в машиночитаемой среде, однако и здесь она остается правилом поведения, а не набором технических операций: алгоритм лишь исполняет ту норму, которая предварительно создана и признана сторонами в пределах правовой рамки.

Договорная норма в системе частноправового регулирования. В системе частноправового регулирования договорная норма занимает промежуточное место между общей нормой закона и конкретным актом исполнения. Закон регулирует свободу договора, пределы допустимого усмотрения, минимальные стандарты добросовестности, способы защиты и общие правила ответственности. Договорная норма индивидуализирует эту рамку применительно к определенным сторонам, определенному предмету, определенному хозяйственному риску и определенной цели взаимодействия. Исполнение, в свою очередь, переводит индивидуальное правило в фактическое поведение. Такая триада позволяет избежать редукции договора к юридическому факту. Заключение договора действительно является фактом, с которым закон связывает возникновение обязательства, однако это лишь момент запуска отношения; дальнейшее движение отношения определяется

уже не фактом заключения как таковым, а теми индивидуальными правилами, которые стороны создали в договоре.

В литературе последовательно воспроизводится по меньшей мере три позиции: договор рассматривают либо как чисто индивидуальный акт, не являющийся источником права; либо как конструкцию, близкую к источнику права, поскольку он служит источником прав и обязанностей для данных субъектов; либо как носитель индивидуальных правовых норм. Характерно, что в обзоре этой дискуссии специально сведены вместе позиция В.С. Нерсисянца, отрицающего за обычным договором качество источника права, и позиция С.С. Алексеева, подчеркивающего его близость к источникам права как основанию прав и обязанностей для конкретных субъектов [7].

Категория договорной нормы продуктивна именно потому, что удерживает верное в каждой из этих позиций и устраняет их крайности. Она не превращает частный договор в нормативный правовой акт и не приписывает ему общеобязательность. Вместе с тем, она признает за договором реальную нормативную функцию: внутри конкретного обязательства он создает индивидуальную меру должного и возможного поведения, юридически обязательную для сторон и обеспеченную судебной защитой. Тем самым договорная норма выступает не источником объективного права в публично-правовом смысле, а формой индивидуального правового регулирования в сфере частного права. Именно на этом уровне становится понятным, почему договор может быть обязательным, не будучи законом, и нормативным, не будучи нормативным актом.

Договорная норма и содержание обязательства. Содержание обязательства раскрывается через совокупность договорных норм. Это положение требует акцентировать: содержание договора-соглашения образуют условия, содержание договорного правоотношения — взаимные права и обязанности сторон. Если принять это различие, становится ясно, что содержание обязательства нельзя представить как механическую сумму текстовых пунктов. Оно представляет собой строй взаимосвязанных индивидуальных правил: одни определяют основное исполнение, другие — встречное исполнение, третьи — порядок координации действий, четвертые — режим контроля, пятые — последствия отклонения от согласованной модели поведения. Обязательство оказывается не «оболочкой» для условий, а структурой, внутри которой договорные нормы распределяют роли, риски и средства защиты. Эта структура

особенно наглядна в свете статьи 309 ГК РФ, предписывающей надлежащее исполнение в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, а при их отсутствии — в соответствии с обычаями и обычно предъявляемыми требованиями. Надлежащее исполнение всегда соотносено не с абстрактным фактом существования договора, а с конкретной договорной нормой: что именно, когда, где, каким способом и в какой последовательности должно быть сделано. Статья 425 добавляет временное измерение: договор обязателен с момента заключения, может распространяться на ранее возникшие отношения, действует до определенного в нем момента окончания исполнения и не утрачивает значения для ответственности после истечения срока. Это означает, что договорная норма сохраняет себя во времени и служит непосредственным критерием оценки и текущего исполнения, и уже допущенного нарушения.

Особое значение имеют вспомогательные и кооперационные нормы. Пункт 3 статьи 307 требует от сторон добросовестного поведения, взаимного содействия и предоставления необходимой информации для достижения цели обязательства. В конкретном договоре эти общие требования получают индивидуальную форму: обязанность заблаговременно согласовать окно поставки, сообщить технические параметры приемки, предоставить доступ к площадке, передать исходные данные, не препятствовать исполнению встречного обязательства. В таких случаях договорная норма возникает на стыке текста, цели обязательства и общего стандарта добросовестности. Ее нельзя свести ни к одной буквальной фразе договора, ни к отвлеченной норме закона; она существует как конкретизированная мера поведения, без выявления которой невозможно ни надлежащее исполнение, ни справедливое распределение ответственности.

Договорная норма и толкование договора. Если договорная норма есть подлинная единица договорного регулирования, то и толкование договора должно быть направлено прежде всего на ее установление. Статья 431 ГК РФ именно так и выстроена. Она начинается с буквального значения слов и выражений, затем требует сопоставлять условие с другими условиями и смыслом договора в целом, а при недостаточности этих приемов — выяснять действительную общую волю сторон с учетом цели договора, переговоров, переписки, практики взаимоотношений, обычаев и последующего поведения. Следовательно, толкование движется от текста к правилу поведения, а от

правила поведения — к внутренней структуре обязательства. Пленум Верховного Суда усиливает именно этот вектор [6, п. 43–45]. Суд предписывает учитывать основные начала гражданского законодательства, разумность и добросовестность участников оборота, смысл договора в целом, цель договора и существо законодательного регулирования соответствующего обязательства; допускается применение и иных приемов толкования, а при неясности и невозможности установить общую волю — толкование против стороны, подготовившей формулировку. Такая методика плохо объяснима в логике чисто текстуального подхода, для которого договор сводится к словам. Напротив, она естественна, если считать конечным результатом толкования установление индивидуальной нормы: суду нужно не только понять, что написано, но и определить, какое именно правило поведения стороны создали, в каком объеме оно действует и как соотносится с законодательной рамкой.

Отсюда вытекает и следующий исследовательский шаг. Пока объектом толкования считается «условие договора», спор остается на уровне текста и языковой техники. Как только объектом становится договорная норма, толкование приобретает герменевтический характер: речь идет о восстановлении индивидуального нормативного смысла, возникающего из текста, контекста, цели и структуры обязательства. Именно здесь открывается перспектива дальнейшего анализа — уже не договора как формы признанной воли и не договорной нормы как ее регулятивного результата, а способов понимания этой нормы в ситуации спора.

Пределы категории договорной нормы. Категория договорной нормы сохраняет свой аналитический статус лишь при четко очерченных границах. Договорная норма существует там, где из договора и всей системы нормативно-правового регулирования можно вывести юридически значимое правило должного поведения или правомочия, имеющее значение для исполнения, защиты, ответственности либо распределения рисков. Поэтому к договорным нормам не относятся всякий абзац преамбулы, экономический прогноз, деловой мотив, техническое описание товара, справочное указание на историю переговоров или декларация намерений, если они не встроены в модель поведения сторон. Они могут служить материалом для интерпретации, но получают нормативное качество лишь тогда, когда участвуют в определении того, что именно сторона обязана сделать, терпеть, сообщить, принять или вправе потребовать.

То же касается ожиданий сторон. Частная автономия не превращает каждое субъективное представление в юридическое правило. Правовое значение приобретают только те ожидания, которые нашли выражение в условиях договора либо могут быть реконструированы в порядке статьи 431 ГК РФ как действительная общая воля сторон. Кроме того, договорная норма действует внутри императивных и ценностных пределов частного права: она должна соответствовать обязательным правилам закона, не может легитимировать злоупотребление правом и не может толковаться так, чтобы позволить одной стороне извлечь преимущество из собственного незаконного или недобросовестного поведения. В этом проявляется ее относительная автономия: договорная норма создается сторонами, но сохраняет юридическую силу только в границах правопорядка.

Список литературы:

- [1] Усанов В. Е., Кравцов С. С., Жеребченко А. В. Собственность как форма // Образование и право. 2025. № 10. С. 235-241.
- [2] Гегель Г. В. Ф. Философия права // Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. Т. VII. С. 96-97.
- [3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ : [принят Государственной Думой 21 октября 1994 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 420, п. 1; ст. 307, п. 1; ст. 425, п. 1.
- [4] Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. С. 26–27.
- [5] Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие

положения. 3-е изд., стер. М.: Статут, 2001. С. 295.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора». П. 43.

[7] Асеев А.Ю. Место договора в системе источников гражданского права России // Вопросы российской юстиции. 2021. №15. С.153-165.

References:

[1] Usanov V. E., Kravtsov S. S., Zharebchenko A. V. Ownership as a Form // Education and Law. 2025. No. 10. Pp. 235-241.

[2] Hegel G. V. F. Philosophy of Law // Hegel G. V. F. Works. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz, 1934. Vol. VII. Pp. 96-97.

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ: [adopted by the State Duma on October 21, 1994] // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1994. - No. 32. - Art. 420, paragraph 1; Art. 307, paragraph 1; Art. 425, p. 1.

[4] Ioffe O. S. Law of Obligations. Moscow: Legal Literature, 1975. pp. 26–27.

[5] Braginsky M. I., Vitryansky V. V. Contract Law. Book One: General Provisions. 3rd ed., reprinted. Moscow: Statut, 2001. p. 295.

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018, No. 49 “On Certain Issues of the Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of a Contract.” P. 43.

[7] Aseev A. Yu. The Place of a Contract in the System of Sources of Civil Law in Russia // Questions of Russian Justice. 2021. No. 15. pp. 153–165.

ЮРКОПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.